

Дмитрий Иванов

рассказы

АНДРЮШКА В «СОЛНЕЧНОМ ГОРОДЕ»

В центре Томска на улице Ленина, там, где сейчас высится здание Облсвпрофа, в шестидесятые годы стоял старинный двухэтажный деревянный дом. Из-под его иссохшей до стеклянной хрупкости тесовой обшивки выглядывали почерневшие от времени брёвна, окна первого этажа имели ставни, и весь он, со старомодной верандой с резными перилами, с покосившимся парадным крыльцом, чем-то походил на дряхлого, но ещё пытающегося сохранить гордую осанку старорежимного старика-профессора. Говорили, что до революции усадьба и в самом деле принадлежала какому-то университетскому профессору... Это был дом моего детства.

В те времена деревянные районы только начинали пробиваться островами «хрущёвской» застройки, и наша усадьба мало чем отличалась от тысяч других старинных томских усадеб с такими же ветхозаветными сараями, пышными лопухами и запахом колотых дров. Но она была единственной и неповторимой, потому что для нас, дворовой ребятни, с неё начинался большой мир. Она, мир малый, его заменяла.

У нас не было смартфонов и компьютерных игр с монстрами – у нас был двор. Для шантрапы дошкольного возраста он действительно был огромным, как белый свет, некоторые из нас могли заходить под листья росших у сарая гигантских лопухов почти не сгибаясь... Кроме дома, во дворе имелись два жилых флигеля, буйно разросшиеся яблони, вербы – для нас настоящие джунгли. На задах у забора безмятежно дремали высоченная конопля, дровяные поленницы, грядки с луком, а в заборе зияла дыра в соседний двор на Советскую. В таком месте сам Бог велел играть в войну, прятки и догоняшки, чем мы и занимались.

Но больше всего мы любили громадный старинный сарай, наверное, бывший каретник, молчаливый, таинственный и такой же до костяной твёрдости иссохший, как и сам дом. В нём был длинный тёмный коридор с паутиной на стенах, с дверьми от ячеек жильцов, где хранились дрова, а в погребках стояли кадки с квашеной капустой. Бывало, играешь в прятки, забежишь в этот коридор из солнечного дня и канешь в его пахнущую пылью и столетним деревом темноту, как в омут. Сначала ничего не видишь, потом глаза начинают привыкать. Входит тоже ничего не видящий голящий, оцупывает стены, сослепу проходит мимо тебя, и ты, опережая его, с победным воплем выскакиваешь назад в сияние дня и мчишься к условленному месту застучаться.

Особым нашим расположением пользовалась просторная плоско-покатая крыша сарая, раскинувшаяся между небом и землёй, как второй двор. Мы бегали и играли на ней, как на земле. Хорошо забраться поближе к облакам, пробежать, гремя ржавым железом, до края кровли и заглянуть на зеленеющие глубоко внизу, ставшие вдруг такими маленькими лопухи! Хорошо где-нибудь

в мае просто лежать на этой уже тёплой крыше и смотреть на окружающий мир, на притихший под весенним солнцем двор, в котором желтеют дымки цветущих верб, горят огоньки первых одуванчиков! Простучит на Советской трамвай, и снова тишина...

С крыши видно всю нашу вселенную: соседние дворы с такими же старыми домами и сараями, голые ещё огородики в ямках от прошлогодней картошки, пустыри, летом превращающиеся в леса крапивы и чертополоха... Из этих пустырей и огородиков поднимается в небо огромная кирпичная труба (котельная бани на Советской), возле которой, как начинает вечереть, повисает, загадочно смотрит на нас из своего космического далека полупрозрачная луна... И куда ни взгляни – море таких же деревянных домов и сараев: старинный, привольный, ещё не привыкший к асфальту и железобетону Томск.

* * *

Хозяевами этого сарайно-лопухового мира были мы – Мишка, Зёзик, Андрюшка, Васька и я. Старшим был Мишка: когда играли в войну, он назначал себя командиром, а нас с Васькой – заместителями. Самую низшую должность имел Мишкин младший брат Зёзя (так он выговаривал своё имя «Серёжа») – по причине малолетства. Когда его определяли в «немцы» или «белые», которыми никто не хотел быть, он ударялся в протестующий рёв и орал ровно до тех пор, пока Мишка не переводил его в «красные». Он сразу умолкал.

Самого Мишку постоянно распирали идеи, в основном на военную тему. Если, например, мы, глядя на крапиву у забора, думали, что это крапива, то он имел достоверные сведения, что это расположение вражеских частей, скрытно, болотами, выводил нас к ним в тыл и одерживал победу. Иногда он, простреленный пятнадцатью пулями, героически погибал: содрогаясь, испуская тяжкие стоны от каждого попадания, выделявая немыслимые кульбиты, он падал посреди двора и, отдав последние приказания, умирал на руках боевых товарищей в страшных корчах... Время от времени кому-нибудь из нас надоело, что Мишка всё время командир, и бунтарь заявлял, что тоже хочет командовать. У Мишки, который и сам чувствовал справедливость претензий, делалось обиженное лицо, он сразу принимался оправдываться, что не так уж часто командует, неохотно сдавал власть. Однако проявлял своеволие, приказы нового начальства нарушал, и к концу игры как-то само собой получалось, что опять командовал он. Всё возвращалось на круги своя.

Но ярче всех помнится Андрюшка. Он был из тех, кто, не сгибаясь, забегал под лопухи. Будучи одним из самых маленьких, во время игры в прятки он мог просто упасть в невысокую траву и исчезнуть. У него были большие тёмные глаза и задорный вихор на макушке, который частенько ерошила ему мать. Андрюшка этого не любил, извивался в её руках, вырывался и убегал.

Жили они с матерью в половинке тоже маленького, почти игрушечного двухквартирного флигеля, походившего на домик Дядюшки Тыквы из «Приключений Чиполлино». Он так врос в землю, что пол их квартирки был на полметра ниже уровня земли, ступеньки с крылечка вели не вверх, а вниз. Весной Андрюшкина мать, тётя Галя, мастерила возле него из земли и кирпичей дамбы, чтобы талая вода не зашла в дом. Единственное окно касалось земли,

самосейкой росшие возле него ноготки и золотые шары всё лето нескромно заглядывали в Андрюшкино жилище. Там в крошечной комнатушке еле помещались покосившаяся печка, обшарпанный шифоньер, старенький диван да общепитовский обеденный столик у окна, за которым, когда убирали посуду, Андрюшка готовил уроки. Когда же кто-нибудь из нас, ребятишек, приходил к нему в гости, играть было фактически негде. Помучившись, мы отправлялись на улицу.

Мы все топили печи и заготавливали дрова, но у меня, Мишки, Зёзика и Васьки, живших в профессорском доме, были хоть квартиры побольше, был пусть единственный на этаж, но всё же кран с холодной водой, канализация. Андрюшка с матерью не имели и этого. Вдобавок Андрюшка был безотцовщиной. Бывало, долгими августовскими вечерами во дворе уксусно-остро пахнет свежими поленьями, наши отцы колют дрова на зиму, а к Андрюшкиному флигельку подвозят, сваливают ворох какого-то горбыля, и тётя Галя ширикает его пилкой, вместе с Андрюшкой таскает в свою сараюшку...

Тётя Галя никому ни на что не жаловалась, растила Андрюшку одна: ни бабушки, ни дедушки, ни тётей-дядей рядом с ним я никогда не видел. Не наблюдалось мужиков и возле самой тётки Гали, хотя внешности она была вполне привлекательной и, работая мастером в мастерских одного из университетских институтов, в мужском коллективе, возможность устроить свою судьбу, наверное, имела. Но почему-то этого не делала, нелёгкую свою долю ни с кем не делила. Единственной соседкой, с кем она дружила, была тоже одинокая, бездетная тётя Зина. Они ходили друг к другу в гости, часами сидели на лавочке во дворе, разговаривая о чём-то своём, время от времени замолкая и подолгу отрешённо глядя перед собой.

Андрюшку же, наоборот, жизнь вполне устраивала, не было во дворе человека веселее и беззаботнее. Он никогда не унывал, на призыв «пошли играть» готов был откликнуться в любое время дня и ночи. Тёплыми ясными утрами где-нибудь в начале лета, когда уже пригретые поднимающимся солнцем одуванчики сладко млели у заборов, и мы, ребятня, позавтракав, выбегали во двор, маленький Андрюшка одним из первых колом выкатывался из своего игрушечного домика и потешно, как клоун в цирке, кричал: «А вот и я!». У нас начинался большой, до самой темноты, игральный день.

С приходом лета во дворе появлялось множество соблазнительных вещей. Мир становился просторным и тёплым, наполнялся зеленью, одуванчиками, бабочками, в него так радостно было выбежать из дома, из тёмного, пахнущего пылью коридора, и оказаться вдруг в океане солнца и красок. В первые летние дни от этого солнца, тёплого ветерка с запахом цветущих яблонь у нас наступало лёгкое сумасшествие. Мы носились по крышам сараев, до упаду играли в догоняшки, прятки, и загонять нас вечером домой приходилось силой.

Андрюшка был в первых рядах. Он соглашался на любую игру: в войну так в войну, в машинки в песочнице – пожалуйста, в прятки – ещё лучше! Он не спорил, если ему выпадало голить, или когда его «убивали» в бою. Охотно делился всем, что имел, будь то игрушка или книжка, хоть имели мы по тогдашней бедности мало, а он – меньше всех. В любой момент от него можно было ждать какой-нибудь фортель. Натянет, например, на лицо горловину свитерка

и начнёт изображать Фантомаса (фильм только вышел на экраны), да так уморительно, что все смеются, и он вместе со всеми... С ним всегда было весело.

В одно из таких одуванчико-безоблачных лет у Андрюшки, а, значит, и у всего двора, откуда-то появились и сразу пошли нарасхват книжки «Незнайка и его друзья» и «Незнайка в Солнечном городе». Кто ещё не умел читать – смотрел картинки.

Помню, мы с Андрюшкой сидим на тёплой от утреннего солнца лавочке, он листает чудесные картинки с забавными коротышками, их маленькими, выглядывающими из-под огромных цветов домиками, увлечённо объясняет, кто такие Незнайка, Винтик, Шпунтик и доктор Пилюлькин. Рядом с трудом выглядывает из ноготков и золотых шаров, почти достающих тяжёлыми головами крышу, его собственный домик. Я смотрю на этот домик, и мне кажется – он тоже из Цветочного либо Солнечного города.

Так читали мы, беспечные «коротышки», не подозревая того, сказку про самих себя, и бегали, как Незнайка, под лопухами и золотыми шарами, и надевали на запястья солнечные часики из одуванчиков. Они не показывали времени. А высоко над двором, над нашим «Цветочным-Солнечным городом» стояло и, казалось, никуда не двигалось золотое солнце нашего детства.

* * *

И всё же время шло, из лопухов мы потихоньку вырастали. Когда мы с Андрюшкой пошли в школу – восьмую, на Кирова, где уже учился Мишка – и оказались в одном классе, мир перестал уместаться в одном дворе. Мы начали осваивать близлежащие улицы, по которым лежал путь к знаниям – Советскую, Кузнецова, Кирова. Но полдня вольной жизни, какой мы до сих пор жили среди своих сараев и пустырей, у нас отобрали. В школе, конечно, было интересно, однако на последнем уроке мы уже с нетерпением поглядывали в окно, за которым стояло хрустальное бабье лето.

После уроков, вырвавшись на свободу, мы себя вознаграждали – возвращались домой не торопясь, со вкусом. С оживлённой Кирова мы сворачивали на безлюдную, в те времена почти сплошь деревянную Советскую, одуванчиковую тишину которой нарушал лишь стук колёс изредка пробежавшего двухвагонного трамвая. То крутя над головой, то чуть не подметая по земле ранцами, мы с Андрюшкой последовательно перемещались по улице, заглядывали в каждый двор, на каждый пустырь, время от времени садились отдохнуть на тёплые от сентябрьского солнца рельсы. Во дворах, очень похожих на наш, так же хорошо пахло колотыми дровами, тронутой увяданием зеленью, безмолвно-торжественно клонились у заборов на нежарком уже припёке разросшиеся за лето крапива и конопля, а на лавочках под желтеющими клёнами так же сидели, неторопливо беседовали пожилые женщины. Когда же проходил трамвай, мы бросались враспынную, прятались за заборы и вели по нему огонь из всего имеющегося оружия...

А потом наступала зима, наш вольный летний мир исчезал под снегом. Дворы и пустыри, как панцирем, покрывали высокие, с зализанными ветром гребнями, сугробы, на крышах повисали тяжёлые белые шапки. Деревянный Томск странно пустел, становился похож на заметённое снегом поле, в кото-

ром сами по себе торчали чёрные дома и темнели узкие тропинки. Но мы, не-
унывающие «коротышки», проваливаясь по грудь, лазили по этим сугробам,
прыгали в них с крыш сараев и строили крепости из снежных глыб.

Перед единственным Андриюшкиным окном за зиму тоже вырастал огром-
ный сугроб, который почти касался свисавшего с крыши снежного козырька и
закрывал от Андриюшки белый свет. Когда, делая уроки, он взглядывал в окно,
то видел снежную гору с языкастым гребнем да узкую полоску неба над ним.
На утренней заре гребень нежно розовел, а к вечеру, когда в ранних зимних
сумерках над ним проплывала шерстяная шапочка возвращавшейся с работы
тёти Гали, становился голубым. Тётя Галя приносила из сарая беремья стылых
поленьев, растопляла печь, по нахолодавшей за день каморке начинали ходить
волны тепла. Андриюшке становилось веселее.

Обычно к этому времени у нас уже были сделаны уроки, я заходил за Ан-
дриюшкой, и мы бежали на улицу. Мы катались с ледяной горки у забора, ба-
рахтались в снегу, а набегавшись и налазившись, сидели на горке, смотрели,
как в густеющей синеве двора одно за другим повисают жёлтые окна. Нам
казалось, они висят над сугробами сами по себе... Иногда прямо с высокого
натопанного сугроба мы без труда залазили на спящую под снегом крышу
Андриюшкиного домишки, падали на спину в снежную перину и смотрели в
мерцающее звёздами небо. Рядом над трубой вился, уходил в эту звёздную
бездну смутно белеющий хвостик (внизу тётя Галя подбросила в печку дров),
в морозном воздухе пахло дымком, нам чудилось, что мы одни в этой закол-
дованной ночи, среди снегов и звёзд. И только висящая рядом с трубой бани
большая круглая луна смотрела на нас строго, словно говорила: «Как бы не
так, вижу вас, голубчиков!». Но Андриюшка, верный себе, изображал, что при-
целивается, стреляет в луну из невидимого ружья, и она взрывается: трах-та-
рарах!..

К концу зимы сугроб под Андриюшкиным окном становился гигантским,
ослепительно сверкал под набравшим силу солнцем, в его заветренных
складках лежали голубые тени. А в марте он начинал оседать, превращался
в шершаво-серый, словно покрытый всклокоченной шерстью, и Андриюшке
наконец открывался белый свет. Показывались идущая к дому почерневшая
тропинка, угол сарая, весь весенний, в солнечных пятнах и голубых тенях
двор. Андриюшка радовался пришедшему в его каморку свету. Вытаивавший
из сугробов домик наполнялся яростным солнцем, по комнатушке ходили
волны света, а под окном была в продолбленные в снегу ледяные лунки, брыз-
гала на стёкла капель, от чего на стенах играли зайчики. И переживший зиму
Андриюшка высовывался в форточку, весело подставлял ладошку под сверка-
ющие капли.

* * *

Как-то в середине зимы, когда до весеннего солнца было ещё далеко, и
сугроб под окном флигеля высился во всё величии, мы с Васькой зашли к
Андриюшке пораньше. В школе по какой-то причине отменили занятия, по-
даренной свободой мы решили воспользоваться по полной: ещё не растаяли
синие утренние сумерки, а мы уже выкатились во двор и направились к засне-

женному флигельку звать Андрюшку строить крепость. На крылечке темнели полузанесённые метелью следы – рано утром тётя Галя ушла на работу... Когда, впустив с собой облако морозного пара, мы ввалились в домик, оказалось, хозяин только встал и собирается завтракать. На столе среди Андрюшкиных учебников и тетрадей стоял оставленный тётей Галей завтрак: варёное яйцо, два гренка и стакан остывшего чая.

В ожидании, пока Андрюшка поест и соберётся, мы разделись, раскидав куда попало свои шубейки и шапки, вольготно разлеглись – один на диване, другой прямо на полу – и сразу заняли всю комнатку. И уж не помню, кто начал, но как-то сама собой вспыхнула дурацкая игра. Один из нас от нечего делать взял попавшийся под руку Андрюшкин валенок, шутя, кинул в другого. Тот, разумеется, ответил тем же. И пошло... Мы начали «беситься» – прыгать по каморке, хватать и бросать друг в друга подушки, шапки, клубок тёти-Галиных ниток... Всё азартнее, бесцеремоннее. Нас охватило буйство, какое-то злое веселье.

Сначала Андрюшка, человек компанейский и не меньше нас любивший «побеситься», принял участие в общем веселье, тоже немного покидался. Но скоро сник, дурачился уже через силу, а потом и вовсе остановился. В комнатке всё было сдвинуто с места, перевёрнуто, колченогая табуретка лежала на боку, на полу вперемежку с одеждой и валенками валялись Андрюшкины учебники.

– Э, кончайте! – крикнул Андрюшка, опустившись на пол и подбирая учебники.

Но мы не могли остановиться, на нас нашло безумие. Прыгай, кидай! Здорово, всё вверх дном! Мы продолжали бесноваться, а Андрюшка лазил по полу, подбирал разбросанные вещи, что-то кричал, но мы не слушали.

В пылу этих скачек Васька схватил со стола гренки, откусил и, размахивая им и кривляясь, запрыгал по комнатке. Я, бездумно его повторяя, схватил второй. Андрюшка, ползавший на коленках, уже весь пунцовый, вскочил, погнался за нами, безуспешно пытаясь выхватить свои гренки, но вдруг остановился. И заревел... Мы с Васькой, сделав по инерции ещё несколько прыжков, тоже остановились. Дурь слетела разом, словно нас окатили холодной водой. Андрюшка стоял посреди своей разгромленной каморки, размазывал по лицу слёзы и с судорожными всхлипами причитал:

– Мне мама напекла... поесть оставила... а вы хватаете...

У меня вдруг пронеслось в голове: у Андрюшки же нет отца, только мать!

Наконец мы осознали, что натворили, трусили, как нашкодившие коты. Вернули надкусанные Андрюшкины гренки, начали подбирать разбросанное. Андрюшка перестал реветь. Лишь изредка всхлипывал, лазил с нами по полу, сопел...

Но не умел он долго обижаться. В тот же день мы уже бегали вместе во дворе, и Андрюшка рыл с нами в снегу окопы, строил крепости, как ни в чём ни бывало, выдавал свои потешные номера. Утреннее происшествие он забыл.

Но не забыл я. И сегодня, как живой, вижу заметённый снегами Андрюшкин домик, слышу его судорожные всхлипы...

Эх, Андрюшка! Ты-то давно всех простил! А я себя – нет.

Это была последняя зима, которую мы провели вместе, весной усадьбу начали расселять. Многие переехали в невиданно роскошные по тем временам квартиры-«хрущёвки» с центральным отоплением и горячей водой, другие – в благоустроенные «деревяшки». А через пару лет усадьбу снесли и на её месте построили железобетонное здание Облсовпрофа. Наш сарайно-лопуховый мир исчез. Навсегда.

Дунул ветер, разлетелись по свету семена одуванчика. «Коротышки» разъехались по разным адресам, по новым отдельным квартирам, и у каждого началась новая отдельная жизнь. Много было потом городов, даже стран. Но ни в чьей жизни не повторился больше тот «Цветочный-Солнечный город», в котором мы так счастливо жили.

2022

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

Жена, ходившая в управляющую компанию разбираться с платёжками, принесла новость: старый родительский дом Валерия Петровича, относившийся к ветхому муниципальному жилью, теперь, оказывается, можно приватизировать.

– Вышел какой-то новый закон – ветхое тоже разрешили, – взволнованно рассказывала жена. – Мне так и сказали: «Если хотите – подавайте заявление в районную администрацию, готовьте документы».

Это было важное известие. Родители давно умерли, дом обветшал и был в тягость – и сделать ничего нельзя, и бросить жалко. Валерий Петрович из него не выписывался, чтобы не потерять, а сами они жили в двухкомнатной «хрущёвке», числившейся на жене. Этот дом, точнее, половину старого деревянного двухквартирника на окраине города они при случае втихую сдавали, чтобы хоть как-то оправдывать коммунальные. Но желающих квартировать в таком жильё находилось немного, а использовать его самим, хотя бы в качестве летней дачи, было не с руки – и огородик маленький, и окружающий пейзаж городской... И вдруг такой шанс!

Решение созрело быстро: приватизировать и продать, ведь думали об этом давно. Конечно, дорого не получится, но, если прибавить их «хрущёвку» в центре, то на всё вместе можно попробовать наскрести на приличное жильё в новостройке.

– Может, хоть под старость лет поживём, как люди, – с надеждой в голосе говорила жена.

Это действительно был шанс, быть может, единственный. Вот только что они спокойно жили в своей скромной панельной, с проходными комнатами, «хрущёвке», уже не надеялись и не строили планов на смену жильё. И вдруг эта устоявшаяся жизнь полетела в тартарары. Задуманная комбинация была трудной, даже авантюрной, но они решились. Спланировали так. Они переезжают в старый дом, продают «хрущёвку», дозанимают денег и вступают в

долевое строительство на ранней стадии, чтобы подешевле. Купленную в черновой отделке квартиру доделывают своими руками, по самому экономному варианту. Потом продают старый дом и рассчитываются с долгами.

Главный риск состоял в том, что они не знали, где и сколько придётся занимать. Решили – там будет видно. А кроме того, прежде чем переезжать в старый дом, надо было привести его в жилой вид.

* * *

Как все заброшенные дома, он стоял безмолвный и безучастный, словно погружённый в обморочный сон, и пустые, кое-где закрытые изнутри пожелтевшими газетами окна слепо глядели на мир. Валерий Петрович толкнул подавшую знакомый голос калитку, вошёл в маленький, отгороженный штакетником дворик перед покосившимся крыльцом. У крыльца разрослась старая рябина, на ступеньки стеной напирала крапива и лопухи, видно было, что давно уже никто на них не ступал.

Что-то дрогнуло в душе Валерия Петровича, когда, отомкнув входную дверь, он вошёл в полутёмные сени, почувствовал с детства знакомый застоный запах пыли и старого дерева, нисколько не изменившийся за все эти годы. Старый дом, как скряга, хранил свои запахи и звуки... Валерий Петрович прошёл по почти пустым, с остатками старой мебели, комнаткам, где с потолков, как сталактиты, свисали чёрные нити пыльной паутины и с басовитым гудением билась об оконное стекло одинокая муха. Прикинул, какой нужен ремонт, чтобы можно было прожить до новой квартиры, а потом продать. – «Всё обдирать, штукатурить, клеить новые обои, белить потолки, – думал он. – Оконные рамы совсем сгнили... Работы до хрена».

Он присел на колченогую табуретку, невольно прислушался к тишине заброшенного дома. Она была такой глубокой, что отчётливо слышались гудение мухи в соседней комнате, негромкое потрескивание старой половицы, какие-то непонятные шорохи. Казалось, дом хотел что-то сказать. И Валерий Петрович подумал, что в последние годы, в спешке забегая сюда проверить квартирантов или забрать платёжки за коммунальные, почти не замечал сам дом – дом, где родился и вырос. Он был заботой, обузой. И вот всё изменилось, обуза превращалась в ликвидность, на которую уже можно было строить планы.

Вдруг из тишины пришёл новый звук, кто-то топтался на крыльце. Скрипнула входная дверь, на пороге, осторожно щупая дорогу палочкой, появилась Мария Андреевна – старушка-соседка из второй половины дома.

– А я гляжу в окошко... вроде кто прошёл в калитку... думаю, пойду посмотрю... гляжу – дверь открыта... – медленно и одышливо, обращаясь куда-то в пространство, проговорила она, словно сама с собой, подслеповато взгляделась в Валерия Петровича. – Знать-то ты, Валера?... Здравствуй...

– Здравствуйте, тётя Маруся, – поднявшись навстречу, громко, чтобы полуглухая старушка услышала, поздоровался Валерий Петрович. – Это я, я хожу... всё в порядке...

– А, ну ладно, раз ты... а я думаю... кто там ходит... – тётя Маруся так же медленно и невозмутимо, как пароход на реке, развернулась и, продолжая щупать впереди себя палочкой, пошла назад. – Тогда ладно...

Немного опешивший, Валерий Петрович хотел было остановить соседку, спросить о здоровье, о делах, но, вспомнив, как трудно с ней разговаривать из-за глухоты, передумал. Тёте Марусе было уже за восемьдесят, и она так давно жила в этом доме, что, кажется, стала его неотъемлемой частью, как крыша или фундамент.

Стихли шаги соседки, снова сомкнулась тишина, но опять, разбив её, донёсся из большого мира новый, неожиданно радостно отозвавшийся в сердце Валерия Петровича звук. Да, здесь по-прежнему, как в детстве, гудели поезда.

Валерий Петрович любил гудки поездов. Рядом с домом проходила железная дорога, и весь район назывался Железнодорожный, в народе – «Железка». «Железка» здесь чувствовалась во всём: в воздухе с привкусом креозота, в плавающих по тихим улочкам голосах бессонных поездов, в названиях улочек – Вокзальная, Деповская, Паровозная... В районе жили в основном железнодорожники, и, хоть родители Валерия Петровича работали не на железной дороге, но вырос он здесь, на улице Вокзальной.

От прозвучавшего гудка словно осыпался груз прожитых лет, обожгло детством, юностью. В гудке локомотива звучала надежда. От поездов, уходящих в дальние края, всегда веет надеждой... Валерий Петрович вспомнил, как в юности, слушая эти гудки, был уверен, что там, куда идут поезда, – большая, красивая жизнь. Он не сомневался, что однажды тоже сядет в поезд и уедет в своё большое будущее. Но это будущее, ставшее теперь уже прошлым, оказалось совсем не таким, о каком мечтал. И вот сейчас в свои пятьдесят он всё ещё пытается вскочить на подножку. Удастся ли?

«Ладно, попробуем, – слушая, как раскатился над «Железкой» новый гудок, сказал он себе. – Вдруг получится?»

* * *

Всё ещё не веря, что получится, они начали собирать документы на приватизацию. Инстанций было много, и на каждом этапе Валерия Петровича не отпускал страх: вдруг какой-нибудь из этих чиновников найдёт что-то запретное! Ведь он уже пытался приватизировать дом... Но, как ни странно, всё двигалось, многочисленные шестерёнки огромной бюрократической машины проворачивались, куда надо, и она исправно выдавала недоступные раньше справки и разрешения. Собрав весь пакет, они подали документы в районную администрацию, а сами начали ремонт дома.

Странное, доселе незнакомое чувство появилось у Валерия Петровича в эти погожие дни ранней осени, когда, взяв у себя на заводе отпуск, утрами он приезжал на трамвае на «Железку» и входил в старый дом. Казалось, он возвращается в прошлое. Только переступал порог, начинал переодеваться в рабочую одежду – из угла, из стены, из двери тихо, как призраки, выплывали видения. Вот мать стоит в кухне у плиты, улыбается, вытирает руки полотенцем... Отец с сосредоточенным лицом что-то делает в кладовке на верстачке, зовёт его: «Иди-ка помоги, поддержи вот тут...». В комнате за столом сидят гости, слышен громкий говор, смех... Это были хорошие, ненавязчивые призраки. Валерий Петрович встряхивал головой, и они исчезали, а он шёл работать, с удивлением отмечая, что становится сентиментальным.

Работы действительно было много, вскоре они стали приезжать уже вдвоём с женой, которая тоже пошла в отпуск. За последние годы дом сильно обветшал: прохудилась давно не чищенная, заваленная палой листвой соседнего тополя крыша, в комнатах обваливалась штукатурка, отставали обои, в старые, в лохмотьях развевающейся паутины оконные рамы сквозило, и было страшно уходить с ними в зиму. Дом походил на больного, неухоженного старика, который со всем смирился, живёт ожиданием конца. И всю эту долгую тёплую осень они, как могли, его оздоравливали.

Валерий Петрович залез на поржавевшую крышу, сбросил вниз палую листву прошедших осеней, положил, где надо, заплаты. Потом заменил подгнившую плаху крыльечка, оно весело подало голос, упруго забумскало под ногами людей. А потом уже в комнатах они обдирали и штукатурили, шпаклевали и белили, клеили новые обои... Домик словно просыпался от своего обморочного забытья, недоуменно прислушиваясь к стуку и скрёбу – что это с ним делают?

Они работали, пока руки и ноги не наливались тяжестью, а в горле не начинало першить от едкой пыли, поднимавшейся от старинной, пороховой сухости, штукатурки. Тогда они бросали шпатели и выползали на воздух, в маленький огородик за домом, где в солнечной тишине стояла задумчивая, словно замороженная, осень с высоким небом и летающей паутиной. Они садились на тёплую от нежаркого сентябрьского солнца лавочку, отдыхали, глядели на заброшенный, в щетине подсыхающего бурьяна, огородик, на уходящие дальше вниз по склону такие же огороды и крыши домов, на поблёскивающие невдалеке рельсы железной дороги. Перед ними в золотистой дымке бабьего лета дремала «Железка», доносились певучие гудки поездов. Валерий Петрович вспоминал, как в детстве в такие вот погожие сентябрьские дни он копал с родителями картошку, а мимо так же шли, покрикивали поезда, звали в золотые дали, и от их гудков сладко ныло внутри. И вот, уже наполовину седой, он снова в этих золотых днях, в доме своего детства.

– Ой, что мы тут делаем, зачем ввязались? – устало привалившись головой к его плечу, говорила жена. – А если не срастётся? А приватизируем – за сколько сможем продать?

Что мог ответить Валерий Петрович? Раз уж ввязались – чего теперь рассуждать. Да и что им? Под старость лет они сами себе хозяева: дочь вышла замуж и уехала с мужем в другой город, всем обеспечена, внуков пока нет. Сиди, любуйся осенью, строй жизнь для себя... И всё же, когда невдалеке с гулом и грохотом проходил очередной поезд, и под ногами тяжело вздрагивала земля, он чувствовал, как эта дрожь беспокойно отдаётся в сердце. Думал про себя: «Да уж, ввязались так ввязались...».

* * *

Но, на удивление, всё срослось, бюрократическая машина провернулась и выдала свидетельство о собственности. Валерий Петрович держал в руках воделенный документ и не верил, что в нём написано его имя.

А погожая осень продолжалась. Над старым домом уже шуршал золотой листопад, новые листья старого тополя ложились на отремонтированную крышу. Вечерами, когда они с женой заканчивали работу и спешили домой, Валерий

Петрович, стоя на крыльце и замыкая дверь, слышал в темноте их таинственный шорох. Надо было бежать на трамвай, а он вдруг поймал себя на том, что хочет сесть на крыльцо, прислониться уставшей спиной к стене и, как в детстве, слушать эту тёплую, с шуршанием листопада и гудками поездов, темноту.

Они закончили черновой ремонт, выгребли из комнат большую грязь и решили, что в доме уже можно иногда ночевать, экономить время на езду. В первый же вечер, когда они остались, Валерий Петрович долго сидел на своём крыльце. Светились, бросали в темноту квадраты света окна родного дома. Валерий Петрович вспоминал, как в детстве в такие погожие вечера любил играть во дворе. Как затаивался в этой чернильной осенней тьме под рябиной, слушал шелест листопада, ждал, когда откроется входная дверь, на крыльцо упадёт полоса света, и раздастся голос матери: «Валера-а!.. Домой! Ужинать!».

А ночью, проснувшись, он не сразу понял, где находится. Лежал и слушал скрипы и вздохи старого дома. Дом вдруг весь ожил, заговорил. Видения, которые несмело появлялись и быстро прятались днём, теперь вставали со всех сторон. В темноте всплывали лица, голоса отца, матери, давно забытых прежних знакомых... Словно та прошлая жизнь на самом деле не прошла, а спряталась в этих старых стенах и теперь хлынула из них, наполнила ночной дом.

Долго не мог заснуть Валерий Петрович. Жена ровно дышала рядом, а он всё беседовал с прошлым, слушал долетавшие в форточку гудки поездов...

После этой ночи он с удивлением понял, что действительно стареет.

А ещё, как отголосок прошлого, приходила к ним иногда соседка Мария Андреевна. Выйдя на свою половину огорода, она замечала их, отдохнувших на лавочке, долго, подслеповато щурясь, вглядывалась, потом осторожно шла, шупая землю палочкой, обходя поникшие стебли вянущего чертополоха. Присаживалась рядом, но ненадолго. Ей приходилось почти кричать, и она старалась не быть со своей глухотой в тягость.

* * *

В агентстве недвижимости, где они выставили на продажу «хрущёвку», девушка-менеджер предупредила, что продать за приличную цену будет не просто. Как повезёт. Они немного приуныли, но не прошло двух недель, как явился покупатель, которому позарез оказалось нужно жильё в их районе. И сказал: «Беру!».

Валерий Петрович не мог надивиться – удача за удачей! Пришлось делать всё сразу: заканчивать ремонт старого дома, бегать собирать документы на продажу «хрущёвки», а вечерами укладывать вещи к переезду. Поезд счастья набирал ход.

– Всё, мосты взорваны, – сказал жене Валерий Петрович, когда подписали договор купли-продажи. – Пункт второй выполнен. Теперь только вперёд.

– Ой... да... – тяжело вздохнула жена. – Как в омут с головой...

Через несколько дней они переехали в старый дом. Когда, погрузив вещи, зашли проститься в опустевшие, сразу ставшие чужими комнаты «хрущёвки», в одночасье осознали – это уже не их квартира. Теперь они повисли между небом и землёй.

Так снова, словно отмотав четверть века назад, Валерий Петрович посе-

лился в родном доме на Вокзальной. Подремонтированный, окрепший, всем своим видом он говорил: «Ну вот, дождался!». Они расстелили в комнатах старенькие домотканые дорожки, повесили прежние, покойной матери, занавески, и всё стало, как много лет назад. А в уже подрисованные морозцем окна вставили вторые рамы, между рамами, как в детстве, Валерий Петрович положил вагу и красные листья дворовой рябины. В отгородившемся от снегов и морозов домике сразу стало по-зимнему тихо, уютно, Валерий Петрович, точно возвращаясь в детство, радостно слушал эту родную, забытую тишину. Временами ему казалось, что он попал в другую реальность, где замерло время, смешалось прошлое и настоящее, а будущее не торопится наступать. Стало так спокойно и хорошо, как не было уже давно...

Но расслабляться было некогда, будущее предстояло торопить самим. Теперь надо было срочно искать новую квартиру, цены на жильё росли чуть не каждый месяц. Валерий Петрович с женой объездили с десяток новостроек, наконец нашли вариант. Кирпичную семиэтажку с лифтом в центре города, в которой уже шли внутренние работы, обещали сдать весной. Им понравилась квартира на седьмом этаже, окнами в парк.

Валерий Петрович сразу почувствовал – это их конечная станция. Даже от недостроенного, от дома веяло чем-то несокрушимо благополучным: аккуратно выложенные стены, которые не пропустят в это безоблачное благополучие бури внешнего мира, просторные подъезды с широкими лестницами, огромные в сравнении с «хрущёвскими» лестничные площадки. Ещё больше поражала размерами квартира, особенно громадная кухня. А за широкими раздвижными окнами большущей лоджии белели заснеженные деревья парка. Для Валерия Петровича с женой эта «двушка» шестьдесят три квадратных метра была безумной роскошью. Они ходили по пустым гулким комнатам и смутенно думали: «Неужели всё это будет наше?..».

Но не хватало около двухсот тысяч, не считая дальнейшей отделки. Валерий Петрович пытался оформить беспроцентную ссуду через свой заводской профсоюз, но не получилось. Осторожно спрашивали знакомых – никто не мог занять такую сумму. А счастье висело на волоске, каждый день его могли перекупить другие... Отчаявшись, Валерий Петрович совсем было собрался идти в ипотечную кабалу, но судьба снова, в который уже раз, улыбнулась. Деньги заняла старенькая бережливая тётушка жены, годами складывавшая на книжку свою ветеранскую пенсию.

Сумеречным декабрьским днём они подписали договор долевого участия и, когда вышли из офиса строительной компании, Валерию Петровичу показалось, что в сером небе, с которого летели колючие снежинки, стоит и светит, и греет, как летом, большое золотое солнце... Мечта стала реальностью – из кирпича, железа и бетона. И не исчезнет уже никуда.

Эта новая квартира окнами в парк действительно шла к ним, как солнце нового дня. Она должна была стать оправданием всей жизни Валерия Петровича, поквитаться за всё, что он не смог и не успел.

Не в силах дожидаться сдачи, они ездили смотреть, как идут работы. Поднимались в квартиру, долго ходили по стылым комнатам с заляпанными раствором полами и холодными, в блёстках инея, батареями, обсуждали, какие

лучше сделать потолки, какую плитку положить в ванной... У себя на заводе, где все всё уже знали, отвечая на расспросы любопытствующих, Валерий Петрович нарочито скромно, сдерживая внутреннее торжество, говорил: «Так, «двушка», шестьдесят три квадрата. Тянут со сдачей...». И чувствовал – многие завидуют.

Уже пахло весной, и настоящее солнце светило всё ярче. Морозными утрами Валерий Петрович просыпался от озорного тюканья в стену. Он помнил эти звуки с детства: в предвесенние дни на рассвете в стену дома начинали долбить синички. Валерий Петрович лежал в постели и представлял, как там, в холодно-звонком пробуждающемся мире по позолоченным восходом брёвнам прыгают живые, как ртуть, синички, ищут зазимовавших в щелях жучков-паучков, попискивают от радости, что дожили до весны. И поспешно вставал, собирался на работу, чтобы поскорее выйти из дома в это одетое морозно-золотой дымкой, пахнущее новой жизнью утро. Шёл по залитым яростным светом улочкам «Железки», смотрел, как поднимается над ними молодое солнце, и ему казалось – он тоже молодой, и всё в жизни впереди.

* * *

К сроку, в марте, сдать дом, конечно, не успели, долгожданные ключи получили только в мае. Осталось самое трудное – достроить квартиру, в которой не было ни полов, ни потолков, ни сантехники.

В безденежные девяностые, когда половину завода Валерия Петровича отправляли в вынужденные отпуска, он, дипломированный инженер-технолог, ходил по калымам с бригадой отделочников, кое-чему научился. И всё же вытянуть всё самим им было не под силу. На самое тяжёлое – заливку стяжки, монтаж сантехники, отделку окон – пришлось нанять двух узбеков-мигрантов, остальное взяли на себя. «Сделаем, что сможем, а потом как будет – так и переедем», – решил Валерий Петрович.

Дом быстро наполнялся такими же, как они, радостно-озабоченными новосёлами, шумно, с козлами и бетономешалками вваливавшимися вольнонаёмными бригадами, стуком молотков, воем перфораторов. И вот нежилая пустота их «черновушки», начала наконец превращаться в квартиру. На пол легла ровная стяжка, тёмный закуток с торчащим с потолка куском электропровода стал ослепительно белой ванной, неоштукатуренные оконные проёмы оделись сэндвич-панелями. Им не верилось, что это их квартира.

Рассчитавшись с узбеками и снова взяв отпуска, дальше работали сами. Валерий Петрович, когда-то отделявавший чужое жильё, теперь испытывал непередаваемые чувства, отделявая своё. Выворачивался наизнанку. Помучившись, оштукатурил-вытянул потолок в спальне. Долго бился, но положил плитку на кухне. Залил стяжку на лоджии. А когда укладывал в зале ламинат, расшиб всю правую ладонь, которой, одев толстую перчатку, бил по плитам, вгоняя их в замок друг с другом, чтоб не было щели даже с волосок...

Жена помогала, как могла: шпаклевала стены, клеила потолочную плитку, обои.

Лифт не включали, поэтому рулоны линолеума, ящики с плиткой и всё остальное на седьмой этаж таскали на себе. Глотали пыль сухих смесей, уро-

довали руки разъедающими растворами, притерпелись и уже не обращали внимания на ноющую боль в руках, ногах, спине. Приезжали рано утром, уезжали поздно вечером, когда сил оставалось только на то, чтобы поужинать, доползти до дивана и уснуть мёртвым сном.

* * *

Пролетело сумасшедшее лето. Новая квартира обретала отчётливые очертания, эпопея близилась к завершению. Горячка начала спадать, Валерий Петрович, словно очнувшись, снова увидел землю, небо, облака, осознал, что в мире наступила осень... Перекуривая у открытого окна на лоджии, глядя на уже тронутые желтизной деревья парка, он вдруг почувствовал, что смертельно устал. И хочет отдохнуть. Оставалось сделать последний рывок, и уже пора было выставлять на продажу старый дом.

«Продавать старый дом...» – Валерий Петрович запнулся об эту мысль. Вдруг отчётливо увидел и ветхую крышу под золотым листопадом, и рябиновые листья в окошках, и заросший бурьяном огородик, мимо которого идут поезда. Даже вздрогнул – так внезапно всё надвинулось. Всё это время он жил одним: доделать квартиру любой ценой, остальное потом, как-нибудь. И вот это «потом» наступило. И рядом с новой квартирой встал старенький домик с покосившимся крыльцом. Валерий Петрович пытался гнать его прочь, но он являлся снова и снова...

Была глубокая осень, холодный, солнечный день, когда они закончили работу. Прикрутив последний плинтус, Валерий Петрович устало разогнул спину, сел прямо на пол и долго глядел на блистающую натяжным потолком, ламинированным паркетом, узорчатыми виниловыми обоями залу. Косые лучи падавшего в окна предвечернего солнца наполняли её золотым светом, тускло отблёскивали на новом полу.

Подошла, села рядом жена. Они смотрели на свою горящую золотом новую квартиру и молчали.

- Господи, неужели мы это сделали? – наконец тихо проговорила жена.
- Похоже, что так, – Валерий Петрович сидел, не шевелясь.
- Значит, чудеса бывают... – голос жены дрогнул.

Им казалось, они куда-то долго бежали, падали, поднимались и, наконец, остановились в этой сказочной, полной осеннего солнца комнате... Валерий Петрович устало закрыл глаза, и перед ним снова встал старый дом.

* * *

Старый дом выставили на продажу, готовая квартира ждала в центре города, но прежней радости в душе Валерия Петровича уже не было. Он наконец осознал то, в чём давно боялся себе признаться: он не хочет продавать дом. Тот самый, который мечтал продать столько лет.

Вечерами, сидя на крылечке, слушая гудки поездов и шорох листопада, он перебирал свою жизнь, приходил к выводу, что жил неправильно. Всё куда-то бежал, за чем-то гнался, пытался заработать какую-то копейку. На бегу воспитывал дочь, на бегу на полчаса заскакивал сюда на Вокзальную к отцу с матерью. Отметиться.

Вспомнилось, как однажды между делами заехал проведать больного отца, которому, уже было ясно, оставалось недолго. Сидел у его постели, чувствовал, как обессилевший от долгой болезни, всё понимавший, отец тянется к нему, хочет побыть, поговорить с ним подольше, но уже плохо справляется с путающимися мыслями. И он сидел и не знал, что делать, что сказать старику, а в подсознании истерично билась мысль, что надо ещё успеть заехать в сберкассу, заплатить коммунальные...

Вспомнилось, как уже после смерти отца как-то забежал к матери, которая тоже серьёзно недомогала. Она накормила его обедом, а потом, никогда ни о чём не просившая, вдруг попросила: «Посиди со мной, Валера, всё одна да одна». Но он, как всегда, куда-то торопился. Он ушёл, сказав, что завтра-послезавтра заедет обязательно. Не заехал. Через месяц мать умерла...

И вот он добежал наконец до своей чудесной квартиры, остановился, быть может, впервые за все эти годы. Огляделся вокруг. И почувствовал, что воспоминания жгут.

Впервые в жизни он подумал, что, пока гонялся за Синей Птицей, здесь, в старом доме, его ждали. Ждали отец, мать, сам дом, ведь дома тоже чувствуют... Ждали, потому что любили его. А он отвечал на эту любовь: «Забегу завтра...».

«Господи, почему всегда так поздно, так непоправимо поздно это осознаешь? – в смятении думал Валерий Петрович. – И что теперь делать?»

Ночами он подолгу лежал без сна, слушал старый дом, разговаривал с выходящими из стен воспоминаниями. Дом стал для него одушевлённым существом, которое радуется, надеется, страдает. И его, «блудного сына», не хочет отпускать.

Валерий Петрович чувствовал себя предателем.

Он долго держал всё в себе, наконец не вытерпел, завёл разговор с женой.

– Это... насчёт дома, – Валерий Петрович отвёл глаза в сторону, словно признаваясь в чём-то постыдном. – Родной всё-таки, да и подремонтировали его... Может, не продавать, как-нибудь выкрутимся? Попросим у тётки отсрочку, будем выплачивать из зарплаты?

Жена долго молчала. Наконец тихо ответила:

– Валера, ты понимаешь, что говоришь? – у неё даже сел голос. – Из-за этого дома весь сыр-бор развели... Какая отсрочка – она на операцию ложится платную, денег ждёт... Из зарплаты сто лет будем выплачивать...

Валерий Петрович тяжело смотрел в окно на облетевшую рябину.

– Тогда возьму долгосрочный кредит... Завтра пойду в банк, проконсультируюсь...

– А ты знаешь, какой сейчас процент?

Жена с жалостью, как на ребёнка, глядела на него. Подошла, помолчала. Поправила ему растрепавшуюся прядь волос.

– Я всё понимаю... Но нет другого выхода... Поздно. Сам говорил: «Назад пути нет».

Валерий Петрович стоял понуро, как побитая собака. Да, поздно, было слишком поздно. Ничего уже не вернуть. В глубине души он и сам это понимал.

И никуда не пошёл.

Покупатель и в этот раз нашёлся быстро – не успела лечь новая зима. Валерий Петрович уже проклинал это везенье... Всё это время они продолжали жить на «Железке», чтоб удобнее было показывать дом приходившим от агентства, поэтому продавать и переезжать пришлось почти одновременно и ещё более сумбурно, чем в прошлом году.

Расхристанный, с раскрытой дверью, из которой таскали вещи и мебель, с затопанным, в размолотой снеговой каше крыльчком, домик словно растерянно спрашивал: «Как же так?.. Значит, всё-таки уезжаешь?..». Валерий Петрович, чтоб быстрее отмучиться и не видеть этих опустевших комнат, тоже торопливо таскал вещи, помогал грузчикам из компании-перевозчика.

Когда наконец всё погрузили в грузовик-будку, они с женой зашли в дом попрощаться, молча присели на ящик посреди пустой комнаты с гуляющими по затопанному полу сквозняками. Валерий Петрович сидел, отрешённо глядя перед собой и не в силах представить, что этот истёртый ногами порожек, эту кладовочку уже считают своими чужие люди... Резко поднялся:

– Всё, пошли!

Почти бегом убежал он из родного дома.

Повалил густой снег. Уже из кабины грузовика, оглянувшись, Валерий Петрович вдруг заметил, что у соседней калитки маячит тёмная фигурка. Мария Андреевна, с которой в спешке даже забыли проститься, стояла, подслеповато щурилась на отъезжающий грузовик. Когда он развернулся и выехал на дорогу, Валерий Петрович увидел, что она уже медленно, щупая впереди себя палочкой, идёт к своему крыльчку. Старый дом, одинокую фигурку заметала, растворяла в себе смешавшая небо и землю белая метель.

Только через год Валерий Петрович решился съездить на «Железку», посмотреть на свой бывший дом. Часто думал о нём, видел во сне. Но увидеть наяву боялся.

За этот год произошло то, что должно было произойти: они обжились в новой квартире, и она перестала быть чудом, стала такой же привычной, какой была «хрущёвка». А вот старый дом никак не забывался. Всё это время Валерий Петрович жил с чувством, будто постыдно убежал, бросил в беде друга, и, как преступника, его тянуло на место преступления. Он не знал, что было после того, как они оставили дом в том сумасшедшем снегопаде, не знал, живут в нём те новые люди или, может, уже продали. Не знал ничего. Дом так и стоял в памяти – брошенный, расхристанный, тонущий в буйной метели...

С сильно бьющимся сердцем Валерий Петрович шёл по знакомым улицам. Вот сейчас, за поворотом... Вон за теми тополями... Валерий Петрович старался идти спокойно, но ноги несли всё быстрее... Вот он! Родной и чужой, знакомый и незнакомый. Вместо старой калитки – новые широкие воротца, во дворике – «жигулёнок». В остальном всё, как прежде, даже покосившийся скворечник на коньке, нетронутый, торчит над заснеженной крышей.

Валерий Петрович остановился, слушая стук разбежавшегося сердца и бо-

ясь подойти ближе. Стоял, смотрел. Уже красили мир голубым ранние зимние сумерки, в домике засветилось окошко. Его, Валерия Петровича, бывшее окошко.

Долго смотрел Валерий Петрович... Протяжно прокатились в морозном воздухе гудки поездов – один, потом другой. Поезда уходили в большую счастливую жизнь. Ту, до которой он так и не доехал.

2022

КЛАССОВЫЙ ВРАГ

Они сидели на старой железной крыше с высокими, из потемневшего от времени кирпича, вентиляционными выходами и говорили о Великой французской революции и Робеспьере. Рядом горела верхушка поднимавшегося над домом золотого тополя, нападавшие на крышу листья узкой дорожкой желтели вдоль кровельного стока. Тополь отгораживал их от мира, за золотой листвой глухо шумел город, а оттуда, где они сидели, были видны лишь несколько соседних крыш да голубое небо над головой, в котором плыло белое облако.

– Между прочим, раньше туз был младшей картой в колоде, а после французской революции стал старшей, выше короля, – развалившись на ещё тёплом, пригретом нежарким осенним солнцем железе, поблёскивая прищуренными глазами, говорил Макар. – Прикольнo, да, Андрюха? Так они кошмарили своих королей.

Андрей, привалившись спиной к вентиляционному выходу, с улыбкой слушал Макара. Знал, что он любитель исторической литературы.

– Где это вычитал? – спросил он.

– Где – в книгах.

– А-а... – Андрей лениво протянул руку, взял упавший рядом жёлтый лист, повертел в пальцах. – Революционные книги читаешь, пора тебя в ссылку...

На первом этаже этого старого трёхэтажного дома из бывшей двухкомнатной квартиры они делали магазин, а тёплыми полднями через чердак вылазили на крышу, поближе к небу и подальше от земной суеты. Перекуривали, разговаривали об истории, о хитростях монтажа подвесных потолков и новой водке «Ностальгия». Им нравилось убежать сюда, где не было никого, кроме облаков, изредка мелькавшей в слуховом окне худой серой кошки да верхушки золотого тополя, где никто, а главное, хозяин-заказчик не мог их достать. Нравилось, сидя на припорошённой палыми листьями крыше и отдыхая от тяжёлой работы, слушать, как шумит город, вдыхать горьковатый осенний воздух. Тут было больше богов и героев древности, чем дня сегодняшнего. И всё же приходилось в него возвращаться.

– Ладно, пошли, – Макар стрельнул окурком, с хрустом потянулся. – А то прибудет начальство, а нас нет. Оно сегодня собиралось шпаклёвку привезти.

С Макаром Андрея свела безработица: оба искали заработок, случайно познакомились, сошлись и вот уже несколько лет выживали-работали вместе. Их маленькая бригада из двух человек стала одной из тысяч в том диком строительном цунами, которое захлестнуло страну после развала Советского Союза. Макар, в прошлом строитель и недоучившийся инженер, был главным, Андрей, филолог и бывший редактор заводской многотиражки, – просто рабочая сила.

За эти годы Андрей научился не только штукатурить, бетонировать и шпаклевать. Он узнал другую, открытую всем ветрам жизнь, где обо всём договаривались только на словах, вкалывали без выходных и без гарантий получения денег, а во время простоев пили водку. И где он стал делить людей на своих и врагов.

Поначалу он подсмеивался над Макаром, для которого все заказчики и вообще бизнесмены были «упырями».

– Да ты большевик, это ж классовая теория, – подначивал он приятеля. – Я-то, конечно, прослойка, а вам, работягам, они – исконные враги.

– Смейся-смейся, – играя прищуренными глазами, отвечал Макар. – Ещё насмотришься. Я с ними уже работал...

И слова эти сбылись, в бригаде отделочников-нелегалов Андрей испытал чувства, каких никогда не испытывал раньше. В прежней жизни все были равны, и вдруг он, обладатель университетского диплома, стал бесправным люмпеном, подвергавшимся той самой эксплуатации, с которой, как его учили, было покончено ещё в девятьсот семнадцатом году. И другой человек, с которым вчера они мирно жили в едином социалистическом обществе, сегодня занимал его за деньги и больше не был ему «другом, товарищем и братом». Они вдруг оказались по разные стороны невидимой черты, которую кто-то провёл в их ещё недавно общей жизни.

Насмотрелся и нахлебался. Они месяцами ждали расчёта после окончания работы. Их «нагревали» с деньгами, недоплачивая за это и за то. Проверяли уровнем каждую положенную плитку и каждую смонтированную панель... Выручал Макар, специалист опытный, знавший себе цену и умевший разговаривать с заказчиком. Крутые бизнесмены, суровые и недоступные поначалу, вдруг начинали поглядывать на него с интересом, прислушиваться к рекомендациям, а вскоре уже обращались к нему не иначе как «Петрович»... Но с некоторыми тяжело было контактировать даже ему. Они не хотели ничего понимать кроме того, что, раз они платят деньги, то они всегда правы.

Таким оказался и их нынешний заказчик, хозяин будущего магазина Валера. Они прозвали его «классовый враг».

Не успели они спуститься в магазин, как Андрей увидел в окно Валерину «тойоту», въезжающую во дворик позади дома. Она въезжала всегда как-то вызывающе, и весь серенький дворик с покосившимся детским грибком и ржавыми железными гаражами, казалось, настораживался. А молодая мамочка с коляской у подъезда, неприязненно глянув на вставшую рядом иномарку,

недовольно перекатывала коляску на другое место. Старый дом и старый двор «тойоту» не любили, она приносила им беспокойство.

Зайдя в магазин, Валера молча сунул Андрею пакет-«майку» с баллончиком монтажной пены и банкой краски и сразу уставился на дальнюю стену, которую шпаклевал Макар. Подошёл, ковырнул ногтем штукатурку. Он никогда не здоровался, начинал сразу с производственных вопросов, будто продолжая прерванный разговор.

– Ложится нормально? Грунтовали? – отрывисто, словно отдавая команды, спросил он, рыская глазами по стене.

– Грунтовали, – Макар не прерывал работу. – Грунтовку ещё вези – штукатурка сухая, тянет.

Валера не ответил. Он встал за спиной продолжавших шпаклевать Макара и Андрея и надолго замолчал. Приехав, он всегда вставал вот так и молча смотрел, «сканировал» обстановку: сколько в его отсутствие положили плитки или залили стяжки, насколько убывла стопка мешков с цементом, много ли осталось листов гипсокартона... Казалось, было слышно, как в голове его бешено щёлкали цифры, что-то отнималось, прибавлялось, множилось. Он ни о чём не спрашивал, на лице было написано: «Какой смысл спрашивать? Мухлюете и воруете, правду всё равно не скажете. Правду мне глаза скажут».

Его маленькие выпученные серые глазки на красном лице ничего не пропустили. В них стояло какого-то загнанное бешенство, со стороны могло показаться, что у человека нестерпимо болит зуб. Он напоминал Андрею раздражённую, готовую броситься крысу: заскакивал в магазин, вечно куда-то спеша, дотошно всё осматривал и проверял, бегал с уровнем от стены к стене, считал пустые мешки и коробки из-под использованных материалов... Когда наконец уезжал, они облегчённо вздыхали, устраивали перекур, чтобы привести в равновесие нервную систему, и Макар, сплюнув, говорил: «Вот, Андрюха, что значит частная собственность, как скрутила человека. Аж рожу ему перекосило!».

...В этот раз Валера закончил осмотр быстро, повернулся к Макару:

– Пошли, шпаклёвку заберёте.

Андрей с Макаром вышли во двор, Валера открыл багажник «тойоты», из которого они вытащили и унесли в магазин два мешка сухой шпаклёвочной смеси.

– Это для торгового зала на все сопли доделки, два мешка вам хватит, – подчёркивая значимость сказанного, Валера выпучил глаза на Макара.

– Два – в обрез, – Макар говорил неторопливо, даже лениво. – Не хватит – довезёшь.

– Я сказал – должно хватить, это ваши проблемы, – Валерины глаза ещё больше вылезли из орбит.

– Мамма миа! Это будут твои проблемы, Валера! – лицо Макара дёрнулось, но он снова заговорил подчёркнуто ровно. – У тебя через полгода всё отвалится, не у меня. Тогда не жалуйся.

– Я сказал – тут за глаза! Всё, вперёд!..

Валера выкатился из магазина, хлопнула дверца машины. «Тойота» растаяла, как дурной сон.

– Достал, упырина! – Макар бросил шпатель, присел боком на козла. – Во-

руем мы его шпаклёвку, таскаем домой в карманах!.. Говоришь ведь, как лучше, для его же пользы – как будто себе выпрашиваешь!.. Пошли перекурим, не могу работать.

И они опять полезли на крышу, с которой спустились пятнадцать минут назад. Курили, смотрели, как над головой плывут облака, как весело трепещут на солнце листья золотого тополя, и в этих листьях и облаках медленно таял, растворился ненавистный Валерин образ.

* * *

Андрей с Макаром давно привыкли к обману, мелочности, сумасбродным требованиям, но когда при этом в них видели ещё и воров, становилось вовсе пакостно. Был момент, когда после очередного тяжёлого разговора с Валерой они совсем уже собирались плюнуть, уйти. Но это означало потерять заработанные деньги, потому что Валера выдал скупой аванс, а сделанного было уже намного больше. А семьи надо было кормить... Скрепя сердце они решили дотерпеть.

Перекуривая на крыше, частенько гадали, кто этот Валера и откуда.

– На меня он через Эдика вышел, помнишь, год назад ему гараж делали? – рассказывал Макар. – Эдик нас порекомендовал, Валера этот мне позвонил – надо сделать магазин. Магазин так магазин, и весь разговор... Чем занимается – хрен его знает, может, ещё какой павильон держит. Но стройку знает, видно. Наверное, или прораб бывший, или мастер. Где-нибудь хапнул удачно, в бизнес подался. Вражина!

– Вот по себе всех и судит, – заключал Андрей. – Повезло нам нынче.

И не им одним. Старый дом, который стоял на земле, может, уже лет сто, никогда не знал, что такое магазины. И вот теперь копошились в нём какие-то люди, выл перфоратор, подъезжали машины, из которых выгружали мешки с цементом... Жильцы косились, ворчали на шум и беспокойство, а старушка из квартиры над будущим магазином уже несколько раз спускалась к Андрею и Макару, просила вести себя потише, потому что у неё давление. Но что они могли поделать?

Покой старого дома закончился, Андрею самому было жаль. Чем-то нравились ему старые стены в потрескавшейся штукатурке, тихий дворик, где возле облетающей яблони по-домашнему висела бельевая верёвка... Всё это – устоявшееся, доброе, беззащитное – уходило. Наступали новые времена.

* * *

Терпеть оставалось уже недолго, но завершение работы – этап самый хлопотный. В отведённые Валерой лимиты шпаклёвки для торгового зала они с горем пополам уложились, а вот гипсокартона, которым забирали стены в подсобке, не хватило. Совсем немного. Когда сказали Валере, глаза у него сразу полезли из орбит. Он кинулся к стоявшим в углу обрезкам:

– А это что?.. Вот гипс...

Схватил обрезок, бросился к стене, приложил к незакрытому месту – мало! Схватил другой, третий... Переглянувшись за его спиной с Андреем, Макар усмехнулся:

– Говорю – не хватит, всяко примеряли.

Продолжая метаться у стены, прикладывая обрезки и так, и эдак, Валера не отвечал, только сопел. Красная физиономия его пылала. Обрезков не хватало, хоть тресни!

Он остановился, уставился на стену и впал в свой обычный ступор: в голове щёлкали цифры, в глазах стояло крысиное бешенство. Надо было покупать ещё целый лист, думать, куда пристроить излишки!

Андрей с Макаром уже с трудом сдерживали ухмылки, отводили глаза в сторону, когда наконец он уехал, совсем расстроенный.

– Откуда эти валеры взялись? – спрашивал Макар у неба и золотого тополя, когда они поднялись на крышу отвести душу. – Только что вместе коммунизм строили, ругали капиталистов, и вон сколько капиталистов оказалось! Как черти из табакерки...

– Да-а... – вздыхал Андрей. – Он ведь где-то с нами ровесник, не больше сорока. Могли учиться в соседних школах... Мама дорогая, как всё перевернулось!

Но окончательно врагами их сделал инцидент, случившийся незадолго до завершения работы: у них пропал перфоратор. Обыскали всё – нету. Как раз накануне в магазине проводили воду в подсобку сантехники. Уходили обиженные, потому что Валера, по обыкновению, поспешил при расчёте.

– Они и прихватили, больше некому, – определил Макар. – Компенсировали материальные и моральные издержки. Ищи-свищи их теперь.

Перфоратор был Валерин. Сказали ему, как есть.

– Сантехники... а я не знаю, сантехники или кто, – вылупил глаза Валера. – Давал вам – с вас и вычту...

После этого видеть его спокойно уже не могли, радовались, что работы оставалось всего на несколько дней.

* * *

Но всё когда-то кончается – долгожданный день, в который они должны были получить расчёт, распрощаться с Валерой и забыть его, как кошмарный сон, наконец наступил. Они предвкушали, как отдадут ему ключи, хлопнут на прощанье новой, собственными руками поставленной дверью, стяхнут с души тяжесть.

Это был хороший, погожий день. Валера обещал подъехать к десяти, и без пяти десять они уже стояли у уличного входа в магазин, курили, смотрели, как поредевшее золото их друга-тополя весело трепещет в холодной и чистой голубизне неба. Не терпелось. Сейчас они получат деньги – и на свободу!

Но всё пошло не так.

«Тойота» подъехала неожиданно, словно выросла из-под земли, и они увидели, что Валера не один. За стеклом на заднем сиденье маячило детское лицо: бледное, мертвенно-неподвижное, с полуоткрытым ртом и выпученными глазами. Глаза были один в один Валерины, смотрели с недетской тяжестью, не мигая. Пацан, которому можно было дать лет семь-восемь, полулежал на руках сидевшей рядом хорошо одетой женщины, голова была безжизненно откинута.

Они немного опешили. Пока Валера отстёгивал ремень и что-то забирал из бардачка, Андрей переглянулся с Макаром:

– Ребёнок его, что ли? Инвалид?

– Похоже на то, – тихой скороговоркой ответил тот.

Валера открыл дверцу, долетел обрывок его фразы: «...тогда не успеем в поликлинику...». Он вылез на тротуар, мельком, затравленно, глянул на них:

– Чё стоите тут? Пошли в магазин...

Они сразу отметили, что Валера не такой, как обычно. Он торопился, выглядел совсем загнанным. В магазине молча, сопя, выдал деньги:

– Читайте!

Всё оказалось правильно, как договаривались. Было даже странно.

Наступил момент хлопнуть дверью. Но Андрей чувствовал, что сжатая в нём, перекалившаяся от напряжения пружина, которая должна была взорваться, – ослабла. Даже Макар, казалось, был в лёгкой растерянности, молчал и как-то сник. Они переглянулись, пошли к выходу. И вдруг услышали:

– Это, мужики... сейчас тороплюсь... разговор есть...

Они удивлённо остановились. Валера застёгивал сумочку, в которой принёс деньги, смотрел не на них, а куда-то в сторону.

– Мне гараж надо поштукатурить... Про вас подумал... Чё кого-то ещё искать...

Это был другой Валера. В выпученных глазах было уже не бешенство, а просто загнанность, даже что-то обиженное. И просительное. И он впервые обратился к ним по-человечески – «мужики».

Они ошеломлённо смотрели на него, не знали, что сказать. «Мы же тебя обворовываем...» – вертелось на языке... Андрей вдруг с удивлением почувствовал, что ненависть исчезла, и ему жалко Валеру с его красной физиономией, затравленными глазами и безжизненно лежащим в «тойоте» сыном-инвалидом. Он бросил вопросительный взгляд на Макара, Макар – на него. Они поняли, что думают одинаково.

* * *

Они шли по улице и смущённо молчали. Они были свободны, но свобода оказалась не такой, как они думали. В ней осталось то, от чего хотели освободиться, – Валера, и они всё ещё не могли до конца это осознать.

Вдруг Макар остановился.

– А пойдём, Андрюха, на нашу крышу, курнём на посошок, попрощаемся. Зайдём через подъезд. Валера всё равно уехал...

Через десять минут они сидели на своей излюбленной крыше.

– Одного не пойму: чего он в нас-то вцепился? – говорил Андрей. – Не нашёл, что ли, кто гараж оштукатурит?

– Бог его знает, – Макар задумчиво выпускал дым. – Может, не нашёл. Может, надо срочно... Чёрт с ним, сделаем ему гараж, работы на три дня. Язык не повернулся отказать... Богатые тоже плачут. Кино.

– Где же твоя классовая непримиримость, товарищ марксист? – подначил Андрей.

Макар искоса глянул на него, усмехнулся.

– Там же, где и твоя. Что это у него с пацаном, как считаешь?
– Не знаю, наверное, церебральный паралич. Даже голову не держит.
Макар долго смотрел на уже явственно видный сквозь ветки полуоблетевшего тополя, бодро шумевший утренний город. Наконец вздохнул:
– Да, хреновые мы с тобой марксисты, Андрюха.
Помолчал и добавил:
– Мягкотелые...

2023

ПРАЗДНИКИ ПО СУББОТАМ

К тётё Свете ходили в выходные, по субботам – на рабочей неделе было некогда.

...Когда Юрий и Лена подошли к серенькой панельной «хрущёвке», тётя Света уже стояла на своём маленьком незастеклённом балконе, издали улыбалась и, одной рукой опираясь на костыль, другой махала им:

– Привет, привет, мои дорогие!

Они тоже махнули в ответ, поднялись в однокомнатную тётя-Светину квартирку на третьем этаже.

Сначала в крохотной кухоньке они выгрузили сумки с купленными по дороге продуктами и лекарствами. Маленькая, седенькая тётя Света стояла рядом на костылях, радостно приветствовала каждый свёрток:

– О-о-о, творожок – хорошо, давно хочу творожников! Леночка, положи, пожалуйста, сразу в холодильник!.. Сыр – замечательно!.. А сливы какие спелые!.. Спасибо, мои дорогие! Ну, будем сегодня пировать!

Потом Юрий и Лена убирались – мыли пол, пылесосили старенький ковёр. Во время уборки тётё Свете тоже не сиделось на месте. Она то и дело вставала со своего ветхого продавленного кресла, постукивая костылями, ходила, смотрела, как они моют и чистят, улыбаясь, приговаривала:

– Ой, мои хорошие!.. Мои хорошие!..

А потом они сели обедать или, по выражению тётя Светы, «пировать». Все кушанья у неё всегда были необыкновенные. Они открыли банку необыкновенно белой, волокнисто-тонко нашинкованной маринованной капусты, налили очень вкусный, приготовленный по какому-то удивительному рецепту суп, в чайничке с отколотой ручкой заварили страшно полезный, с чудодейственными травками, чай. В довершение ко всему тётя Света достала из кухонного шкафчика давно расчатую бутылку сухого вина и многозначительно заявила:

– А ну, давайте пьянствовать!

И они «запьянствовали»: тётя Света выпила маленькую рюмочку, Юрий с Леной – по рюмке большой. Никогда в жизни не пившая больше двух фужеров вина, тётя Света считала такие застолья настоящей гулянкой и, если в это время звонил кто-нибудь из её подруг, по-детски хвасталась:

– А у меня Юра с Леной, мы тут шикарно вино пьём!..

В эти минуты в маленькой кухоньке, за окном которой покачивала ветками развесистая берёза, вдруг становилось хорошо, несмотря на то, что вино было дешёвым, а удивительным супом тётя Света называла обычный свекольник с концентратами. Все тревоги мира уходили куда-то за эту законную берёзу – бело-голубую заиндедевшую зимой, зелёную летом и золотую осенью.

Так они «пировали»: тётя Света восхищалась каждым кушаньем, Юрий с Леной поддакивали.

После обеда перешли в комнату. Тётя Света, положив рядом костыли, села в своё кресло, Юрий с Леной – поблизости, на диван. Весело болтали о погоде, о нескончаемом сериале «Санта Барбара», о популярном эстрадном шлягере... Тётя Света сияла от удовольствия.

Потом наступил момент, который наступал почти всегда – тётя Света попросила поставить какую-нибудь пластинку. Юрий отворил дверцу объёмистой тумбочки, где хранилось тёти-Светино богатство – старые, накопленные за много лет пластинки, и на него пахнуло с детства знакомым застояло-галантерейным запахом, про который он, ещё совсем маленький, говорил: «Пахит музыкой». Пластинок было много – от старинных, толстых, в ломких от ветхости бумажных пакетах и с фирменным знаком «Апрелевский завод грампластинок» до современных гибких дисков. Перебирая их, Юрий вспоминал их истории. Вот эту, «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады», тётя Света привезла из командировки, из Ленинграда, в конце шестидесятых... Этот диск Вивальди купила в центральном универмаге и за каких-то пару месяцев вместе с ним, Юрием, заиграла до хрипоты... Чайковский мешался здесь с Валерием Леонтьевым, Шопен – с Мирей Матье. По этим пластинкам можно было изучать историю тёти-Светиной жизни, да и его, Юрия, жизни тоже.

Он поставил увертюру к опере Россини «Севильский цирюльник», и светлую комнатку, смешиваясь с лившимся в окно солнцем, наполнила музыка. У тёти Светы так было всегда – много солнца и много музыки... Она наслаждалась: мечтательно улыбалась, покачивала в такт головой, плавно поводила в воздухе рукой, то и дело восклицая: «Ах, какое красивое место! Послушайте, послушайте, ну правда же?...».

Они засиделись до вечера. Когда подошло время прощаться, тётя Света заметно погрустнела, под конец совсем притихла. Только глаза печально улыбались. Юрию было тяжело в них глядеть.

– Ну посиди-ите ещё маленько! – с виноватой улыбкой, почти как ребёнок, уже по инерции уговаривала тётя Света, когда они начали собираться.

Но им действительно было пора, она сама всё понимала.

– Ну, бегите, бегите, – вздохнула она, стоя в прихожей, пока они одевались. – Спасибо, мои дорогие.

Юрий не мог долго выдержать, когда она вот так с виноватой улыбкой, тяжело повиснув на костылях, провожала их в прихожей. Они торопливо попрощались и ушли, почти убежали – в большой мир, где ждали дела, работа, где весело трезвонили трамваи и по тротуарам бодро катились потоки людей. А тётя Света осталась одна в пустой квартире ждать их прихода в следующую субботу. Чтобы всё повторилось опять.

Юрий был ещё дошколёнком, когда тётя Света заменила ему рано ушедшую мать. Заменила, несмотря на все свои причуды, на то, что любовь к музыке всегда отрывала её от дел земных. Как могла. Юрка рос в семье отца, но твёрдо знал, что, если забежит к тёте Свете после школы, его и обедом покормят, и уроки помогут сделать, и за двойку не заругают. И что одинокая бездетная тётка любит его от всей души.

Но, главное, у них была общая любовь – музыка. Тётя Света имела музыкальное образование, пела в художественной самодеятельности, в молодости мечтала о карьере профессиональной певицы. Но не сложилось, ей выпала участь быть преподавателем математики в техническом вузе. Унаследовавший фамильную музыкальность, Юрка тоже всё время что-то напевал, насвистывал. Тётю Свету это радовало.

Он прибежал к ней после школы, они доставали из заветной тумбочки недавно купленную пластинку и устраивали прослушивание. И тётя Света поводила в воздухе руками и восклицала: «Ах, божественная музыка! Правда же?». В эти минуты светлая, с потёртым ковром и дешёвенькой «стенкой» тётки-Светина комнатка неуловимо преображалась, точно в неё входило невидимое божество и тихо, с улыбкой, садилось на диван рядом с ними. Это божество было мудрым и озорным, как музыка Россини, как их любимая увертюра к «Севильскому цирюльнику». Маленькому Юрке казалось, что оно входит вместе с падающим в окно солнцем. Явственнее всего оно виделось ему почему-то в золотую пору бабьего лета, когда это уже не жаркое, с сентябрьской грустинкой солнце вместе с кружевной тенью занавески таинственно пошевеливалось на стене. Это было любимое тётки-Светино время: в открытую балконную дверь пробирался, трогал занавеску ветерок, а за занавеской стояла ранняя, тёплая, словно вырезанная резцом сибирская осень, и в эту осень улетала музыка. Юрке казалось, что там, в большом мире, она позолотой ложится на деревья, и они хрустально звенят на весь город, на всю вселенную... Он ничего не говорил тёте Свете про этого божка, но был уверен, что она тоже видит его и молчит, потому что о нём нельзя говорить вслух.

Да, в этот чудный храм, храм музыки, тёте Свете не суждено было войти жрецом, но свои несбывшиеся надежды она переложила на маленького Юрку. Способный племянник должен был добиться того, что не удалось ей, или хотя бы получить музыкальное образование. Она то уговаривала Юркиного отца, своего зятя, отдать сына в музыкальную школу по классу фортепиано, то устраивала его к какому-то преподавателю-надомнику, обучавшему классической гитаре... Однако в музыкальной школе ветреный Юрка не выдержал и двух месяцев, а по части гитары у него хватило терпения выучить лишь «три блатных аккорда». Но любить музыку он не перестал, по-прежнему бегал к тёте Свете слушать пластинки, и по-прежнему, полузакрыв улыбающиеся глаза, к ним тихо подсаживался их весёлый музыкальный божок.

В конце концов тётя Света смирилась, что племянник, у которого была масса интересов помимо музыки, идёт своим, а не намеченным ею путём. Долго огорчаться она не умела, решила, что всё, что ни делается – к лучшему. Не ста-

нет Юрка музыкантом – станет каким-нибудь инженером, обязательно знаменитым, построит, как Эйфель, какую-нибудь прекрасную башню...

Прекрасную – потому что всё и всегда у тётки Светы было прекрасным. Когда Юрка дарил ей 8 марта три невзрачных гвоздички, они были «прелесть»: тётка Света всплёскивала руками, бежала ставила их в самую красивую вазу. И новые дешёвенькие обои, когда она делала ремонт квартиры, тоже были «прелесть». А тётки-Светины друзья и знакомые все без исключения были очень достойные, прекрасные люди.

Серая действительность наводила на неё смертную тоску, она убегала от неё то в музыку, то в романы Жорж Санд. Кипучая, восторженная её натура не могла мириться с обыденным, расцвечивала жизнь яркими красками. Вокруг тётки Светы всегда был праздник, и каждый, кто подходил близко, втягивался в его орбиту.

В него втягивались и подруги-женщины, и мужчины, также у тётки Светы бывавшие. Юрий помнил запах этого праздника, который заставлял в её маленькой «хрущёвке», когда собирались гости, – запах цветов, вина и салата из рыбных консервов. Праздником пахла и большая походная тётки-Светина сумка на колёсиках, когда в конце лета её хозяйка возвращалась из отпуска откуда-нибудь из Сочи или Евпатории, привозила ему, Юрке, чудесные морские ракушки и с восторгом рассказывала про далёкое, прекрасное море.

Даже спустя годы, когда Юрий уже закончил институт, женился и работал инженером на заводе, тётка Света продолжала дарить ему такие безделушки, а он по-прежнему, как в детстве, забегал к ней поболтать и послушать новую пластинку.

Но однажды пришёл чёрный день, праздник кончился. Тёте Свете поставили жестокий диагноз – онкология. Болезнь, как танк, начала ломать, подминать под себя её феерично-музыкальную жизнь. Тесня Россини и Жорж Санд, в неё пришли вещи, о которых тётка Света никогда не задумывалась, даже не подозревала – инвалидность, лучевая терапия, зловеще-тихие коридоры онкодиспансера, где приходилось принимать «химию»... Она долго не могла поверить в эту новую действительность, а когда поверила – не смирилась. Она решила бороться. И победить. Вопреки всему.

И она боролась – с упорством одержимого, с верой в чудесное исцеление, даже с азартом. Она пробовала всевозможные народные рецепты, чудодейственные средства. Ела курагу и грецкие орехи, чтобы быстрее восстанавливаться после «химии», давила и пила овощные соки, нашла бабушку-травницу и лечилась травами...

– Вкусный, правда? И стр-рашно полезный! – говорила она убеждённо, угощая Юрия свежесжатым морковным соком. – И тебе надо пить! Знаешь, сколько там витаминов!

Врачи разводили руками: при своём диагнозе тётка Света держалась прекрасно. И она радовалась, ободрялась надеждой. Но неожиданно болезнь пошла в кости. После перелома ноги, которая уже не могла полноценно срастись, тётка Света встала на костыли, оказалась прикованной к своей тесной квартирке. Не могла ходить даже в магазин. Однако вместо того, чтобы смириться с неизбежным, она ещё больше, вопреки всему, стала верить в чудо.

С тех пор Юрий взял над тёткой полную опеку.

Тётя Света сидела в своей маленькой тюрьме, а Юрий и его жена Лена были её единственной связью с большим миром. От этого мира у тёти Светы остались лишь развесистая берёза за окном да двор с бугром кооперативного погреба и старыми железными гаражами, которые она видела с балкона. Да в отдалении виднелись верхушки тополей – там был проспект, по которому она ещё не так давно ходила на работу. Оттуда доносились шум машин, звонки трамваев – звуки недоступной теперь для неё большой жизни.

Ещё у тёти Светы остались старенький проигрыватель и тумбочка с пластинками, эпоха которых уже почти ушла. Её главное, скопленное за всю жизнь богатство. Да допотопный громоздкий цветной телевизор «Горизонт» с любимым каналом «Культура».

Но, лишившись мира большого, тётя Света научилась радоваться малому. Целым миром, например, была берёза за окном. Зимними утрами на восходе солнца, готовя на кухне завтрак, тётя Света любовалась, как бело-голубое кружево её заиндевевших ветвей, медленно разгораясь, превращалось в розовое, потом – в пламенно-золотое, и в глубине его, как в сказочном шатре, осыпая алмазные искры, прыгали шустрые синички. Летом голубое кружево сменяла занавесь зелёной листвы, величественно колыхавшаяся под ветром, и вместе с ней по кухоньке колыхалась большая кружевная тень. А в сентябре вся золотая, играющая солнечными бликами, берёза словно светилась внутренним светом, и её ярко-жёлтая вершина торжественно сияла в бездонной небесной синеве. Берёза была всегда рядом, была другом, тётя Света с ней разговаривала. Дерево понимающе кивало ветвями. Одна из них, надломленная ветром, уже много лет висела засохшая, как сломанная рука, и всё никак не могла упасть.

Ещё был маленький открытый балкон, где стояли два сколоченных Юрием ящичка с невзрачными бархатцами, и где тётя Света «гуляла», смотрела на большой мир. В холодную погоду она надевала старую, с пролысынами, цигейковую шубу, повязывала голову пуховой шалью, с трудом переваливаясь костылями через порожек, выходила «на улицу» подышать. Подолгу стояла, глядя на серый двор, на ржавые крыши железных гаражей, по которым бегали кошки. А летом тётя Света садилась с книжкой в вынесенное на балкон ветхое, подстеленное рваной курткой кресло, читала, но больше слушала звуки двора – голоса играющих детей, гудение подъехавшей машины... Эти звуки, говорившие, что кругом идёт жизнь, тоже радовали её.

Но больше всего радовало, когда из этого большого мира приходили гости – забегала проведать подруга или просто приносила пенсию почтальонша. Сидя с книжкой в низком кресле и видя лишь небо, тётя Света чутко прислушивалась к шагам и голосам проходивших внизу по тротуарчику людей. Самыми долгожданными из них, конечно, были Юрий и Лена.

Перед приходом созванивались, и тётя Света задолго до договорённого времени выходила на балкон, вглядывалась в сторону проспекта с тополями, откуда должны были появиться племянник с женой. Когда они показывались на дорожке, тётя Света начинала махать рукой. А когда они с набитыми авоськами, внося с собой бодрость большого мира, нарочито шумно вваливались в

маленькую прихожую, тётя Света, стоя на костылях и сияя от счастья, встретила их всегда одним и тем же:

– Привет, привет, мои дорогие, мои хорошие!

Для неё, любившей всё превращать в праздник, это был настоящий праздник, и Юрий с Леной старались.

Они делали уборку, потом Юрий чинил какой-нибудь перегоревший утюг, а тётя Света с Леной, весело болтая, готовили обед. А потом они «пировали» в маленькой кухоньке, и берёза за окном кивала им ветками.

Часто засиживались до вечера: слушали старые пластинки, играли в карты, иногда даже пели, и Юрий аккомпанировал на старенькой гитаре – той самой, на которой когда-то учился играть... И чем ближе подходило время расставаться, тем задумчивее становилась тётя-Светина улыбка. Она всячески старалась оттянуть их уход – предлагала ещё сыграть в «дурака», ещё чаю... Но бесконечно пить чай невозможно. У племянника были свои дела, и так он трагил на неё каждый выходной. Тяжело опираясь на костыли, тётя Света выходила вслед за ними в прихожку, грустно глядя, как поспешно они собираются. Прощалась со своим праздником.

– Ладно, в следующий раз посидим-попоём подольше, – говорила она. – Спасибо, мои дорогие.

И оставалась в своём тяжком, беспомощном одиночестве, один на один с жестокой болезнью. И начинала ждать следующей субботы.

– Тётя Света, перебирайся к нам, – как-то, не выдержав, завёл разговор Юрий. – И уход за тобой будет лучше, и нам с Ленкой веселее.

Тётя Света подумала, неопределённо улыбнулась, глядя куда-то в окно.

– Спасибо, мой хороший, не надо. Тут я у себя дома, никого не стесняю. Видишь, какая у меня красивая берёзка! Куда я от неё поеду?

* * *

Подходил конец августа – любимая тётя-Светина пора и день её рождения. Словно подстраиваясь под их расписание, он выпадал на субботу. Если рядовые субботы были просто праздники, то тут близился суперпраздник, тётя Света ждала его с особым нетерпением. В последнее время в каждой дате она видела некий скрытый смысл. Теперь ей казалось, что вот придёт этот день рождения, и произойдёт чудо – разомкнётся заколдованный круг, отступит беда.

Чуть не за месяц она уже беспокоилась, что купить к столу, что они, Юрий и Лена, хотели бы поесть-попить. Она звонила им, в подробностях обсуждала, чем лучше заправить такой-то салат, какую делать селёдку «под шубой» – с мясом или без...

– А какую мы приготовим курицу с яблоками – объеденье! – восклицала она.

Они разговаривали по полчаса, тётя Света извинялась, что отвлекает от дел, стеснялась, волновалась. А когда наконец совещание заканчивалось, Юрий представлял, почти видел, как, положив телефонную трубку, тётя Света ещё некоторое время сидит в своём старом продавленном кресле в ледяном одиночестве квартиры. Потом тянется к костылям, с трудом встаёт, тяжело

подходит к окну и долго смотрит на свою уже краплёную предосенней желтизной берёзу...

Перед самым днём рождения тётя Света позвонила посоветоваться, какая скатерть лучше к праздничному столу: тёмная с золотыми цветами или белая с бахромой, подарок ей на тридцатилетие?

– Белая, – наугад сказал Юрий, который в это время меньше всего думал о скатертях.

– Ага, хорошо, мне она тоже больше нравится, – обрадовалась тётя Света.

– Сейчас сразу пойду постираю, постелем свежую.

И снова Юрий, как наяву, видел: тётя Света тяжело ковыляет к «стенке», ищет в выдвижном ящике пахнущую нафталином старомодную скатерть, потом, держась одной рукой за край ванны и неловко согнувшись, другой пытается замочить скатерть в тазу, а отставленный к стене костыль соскальзывает, с грохотом падает на пол... И внутри у него тоже что-то сжималось, отрывалось и падало.

* * *

День рождения тёти Светы пришёл солнечный. Перед этим целую неделю дождало, но когда, проснувшись утром, она взглянула в окно, то увидела сияющее голубое небо, в котором торжественно покачивались ветки её берёзы: «Поздравляем!». Это было подтверждение, что день будет необыкновенным.

Юрий с Леной должны были подойти пораньше, чтобы успеть всё приготовить к обеду, и тётя Света, принаряженная, с утра уже стояла на балконе, ждала, любовалась своим долгожданным днём. Он негромко позванивал трамваями, тонко пахнул ещё влажной после прошедших дождей землёй, в нём разливалась горьковатая августовская свежесть и чуть заметная, как кисея, голубоватая дымка. И всё в этом дне, даже заросший лопухами бугор кооперативного погреба, даже поблёскивающие за кустами крыши железных гаражей – было прекрасно.

Тётя Света вдруг вспомнила, каким этот день был много лет назад, сколько в её маленькой квартирке было шума, гостей, цветов! Ей захотелось, чтобы всё вернулось. Сегодня, сейчас!

Она ждала. И вот из этого дня, из голубой дымки вышли, показались на дорожке Юра с Леной. Юра нёс сумки с продуктами, в руках у Лены пылал букет ярко-красных гладиолусов. «Мои хорошие...» – прошептала тётя Света. Праздник начался.

Они как всегда шумно ввалились в прихожую, сразу заполнив её собой, сумками и огромным, просто королевским букетом. В поднявшейся весёлой неразберихе всё начали делать одновременно: поздравлять, целоваться, разуваться, разворачивать связанный понизу целлофаном и шпагатом тяжёлый букет.

Увидев перед собой это чудо, тётя Света от восторга на мгновение впала в лёгкий ступор. Потом разволновалась: во что и куда поставить?! Стуча костылями, бросилась искать посуду. Вокруг букета поднялась суета: ему подрезали корешки, кое-как нашли подходящую, чтоб не перевернулась, вазу,

наливали воды, добавляли сахар... В спешке сломали веточку декоративной зелени, и тётя Света не на шутку расстроилась. Зато, когда наконец поставили цветы на праздничный стол и они запылали, раскинулись чуть не на полкомнаты, она долго не могла успокоиться, постукивая костылями, ходила вокруг и повторяла: «Какая прелесть!.. Ах, какая прелесть!..». А когда Юрий, выбрав момент, неожиданно преподнёс ей альбом из двух дисков с оперой Россини «Женитьба Фигаро», восторгам, казалось, не будет конца.

В такой же весёлой суете, по тёти-Светиному, готовили праздничный стол. Тётя Света непременно хотела, чтобы всё в этот день было самым лучшим, самым вкусным. Капусту для салата под её руководством строга­ли тончайшей «соломкой», ломтики батона для бутербродиков надо было обязательно подрумянить в духовке, а шампанское – чуть не до льда остудить в морозилке.

А потом по всей квартире пошёл запах – в духовке запекалась та самая курица с яблоками, которую они столько обсуждали. Тётя Света ходила из кухни в комнату, где накрывали на сиявший белой, с бахромой, скатертью стол, и восторгалась:

– Ну, ребята! Ну, сейчас будем пировать! Ну, это будет объеденье!

– Конечно, мы же эту курицу уже месяц готовим, – пошутил резавший хлеб Юрий...

Минута за минутой, мелочь за мелочью хорошо складывался этот день, становился лучше и лучше. Ещё немного, и уйдёт из жизни беда, вернётся в неё прежний праздник!

– Всё, больше не могу, умру от этого запаха, – заторопилась тётя Света, когда наконец стол накрыли. – Давайте, садимся. Ну, сегодня я напьюсь!

Сидеть на стуле она не могла, поэтому придвинули к столу её продавленное кресло, подложили, чтоб повыше, сложенное в несколько раз одеяло. Отставив костыли, она расположилась на нём, как на маленьком троне, объявила:

– Ну, давайте пировать!

Это был замечательный пир. Юрий с Леной поднимали фужеры за здоровье именинницы, а именинница с чувством, со старомодной торжественностью отвечала: «Спаси-ибо, мои дорогие, вы – моя поддержка, и дай вам Бог того же!». Они любовалась на свет своими фужерами, где в золотистом шампанском вскипали и серебрили стенки тысячи маленьких пузырьков. Они ели долгожданную селёдку «под шубой», салат из капусты с помидорами, и все блюда были потрясающе вкусными. А самой вкусной, как и предсказывала тётя Света, была курица с яблоками.

День становился всё светлее, радостнее. У открытой балконной двери тёплый ветерок трогал тюлевую занавеску, на белой скатерти шевелилась кружевная тень, тихо пламенели шатром раскинувшиеся над столом гладиолусы. Всем было хорошо. Все много говорили, смеялись, и больше всех – тётя Света.

Да, он пришёл, настоящий праздник. И не важно, на время или нет, но вышвырнул из жизни все беды и болезни!

* * *

Конечно, такой день не мог обойтись без музыки. Наступил неизбежный момент, тётя Света попросила Юрия поставить их любимую увертюру к опе-

ре «Севильский цирюльник». Светлую комнатку наполнила искрящаяся, как шампанское, торжествующая музыка.

Они слушали пластинки ушедших лет, пластинки, будившие столько воспоминаний, и, как в былые времена, с ними сидел, улыбался их весёлый музыкальный божок. И счастливая тётя Света поводила в воздухе рукой, покачивала в такт головой.

В какой момент это произошло, Юрий не понял. Слушая музыку, он глядел в окно, потом повернулся к тёте Свете, хотел что-то сказать, но слова застыли на губах. Тётя Света плакала. Мучительно пыталась улыбнуться сквозь слёзы, исхודהвшее тело вздрагивало, руки беспомощно тянулись к прислонённым к стене костылям...

Успокаивали её недолго, она быстро овладела собой.

– Всё испортила, – улыбнулась она покрасневшими глазами. – Простите, мои хорошие... Не обращайтесь внимания... Давайте, давайте к столу...

Юрий с Леной ни о чём не спрашивали. По-прежнему падало сквозь занавеску солнце, долетал с улицы отдалённый перезвон трамваев, но того, что поначалу так хорошо складывалось в этом дне, натягивалось струной и пело всё выше, уже не было. Струна лопнула, праздник кончился. И ничего в тётинской жизни не изменилось.

Они снова сели за стол, пытались делать вид, что ничего не случилось, но получалось плохо.

Они просидели у тётинской Светы допоздна, чтобы подольше не оставлять её одну. Предлагали вызвать такси и поехать ночевать к ним, но она отказалась.

– Спасибо, мои дорогие. Ничего, всё хорошо... Не беспокойтесь, езжайте...

Когда шли к трамвайной остановке, она стояла на балконе, махала им рукой.

* * *

В следующую субботу тётя Света встретила их, как всегда, радостная и воодушевлённая. Они снова «пировали» в маленькой кухоньке, снова кивала им ветками тронутая желтизной берёза за окном. Только Юрий с Леной были молчаливее, чем обычно.

...А через несколько месяцев тётинской Светы не стало.

* * *

Пролетели годы, в бывшей тётинской Светиной квартире давно живут чужие люди. Но каждый раз, когда Юрию случается проходить мимо её бывшего дома, у него щемит в груди. Всё кажется: на знакомом балконе стоит, машет рукой знакомая фигурка. И долетают слова:

– Привет, привет, мои дорогие...